

ГЛАВА 18. ПЕРЕД ЛИЦОМ СВОЕЙ СОВЕСТИ

Иссиня-черный бархат ночи был расшит мерцающими звездами, а изрезанные контуры пиков тонули в густом мраке. Бледная луна пряталась за угольно-черными тучами, лишь изредка проливая на землю тусклое серебро.

Бо, с аппетитом проглотив предложенный Цзян Чаншэном весенний блинчик, тут же поймал на себе три яростных взгляда. Троица питомцев явно не одобряла такое расточительство.

Цзян Чаншэн тем временем заглянул в системный интерфейс. Счётчик «принятых посетителей» перевалил за сто двадцать. Как только Бо съел рисовый пирог, цифра плавно сдвинулась еще на единицу.

Он и раньше догадывался, что магические звери тоже идут в зачёт, но теперь начал понимать логику Сяо Цан. Обычная рыба в море для системы была неинтересна — гостю полагалось обладать развитым сознанием.

До заветных двух сотен оставалось принять еще семьдесят восемь гостей, а в «Дневнике Гор и Морей» незаполненными значились всего четыре страницы.

Бо, насытившись, издал негромкую отрывку и, глядя на залитую лунным светом пещеру, произнес:

— Ты двенадцатый практик, которого я подобрал. Все остальные, кого я не успел спровадить с горы, погибли. Без исключений.

Он покосился на Дань Синьцзэ, который впал в протрацию у костра, и добавил:

— Ну, кроме него.

Дань Синьцзэ медленно закрыл глаза.

— Нет, — глухо отозвался он. — Я тоже должен был умереть. Если бы не он...

Цзян Чаншэн замер, поднося к губам кусочек рисового пирога. В голосе юноши просквозила такая беспросветная печаль, что на душе стало беспокойно.

Бо, видимо, тоже что-то вспомнил. Он тяжело вздохнул и обернулся к лавочнику:

— Кстати, а тебя-то что принесло на Куньлуньшань?

— Знакомый моего знакомого погиб здесь, — ответил Цзян Чаншэн. — Мы пришли почтить память и, если удастся, разобраться в причинах.

Бо печально покачал головой, глядя с вековой тоской:

— Вы, люди, вечно идете на поводу у этой штуки... как её... «привязанности». Совершаете глупости, совершаете ошибки. Идете и идете сюда, волна за волной, только чтобы сгинуть. Зачем всё это? Видишь те холмики на западе? Там лежат те, кто нашел здесь свой конец за последнее время. И это я еще не считаю тех, чьи кости истлели в пропастях или были сожраны без остатка.

Цзян Чаншэн промолчал. Бо ворчал, но сам ведь оставался здесь, оберегая каждого непутевого бедолагу, забредшего на гору. Грубый снаружи, но добрый внутри — классический случай.

— Ладно, раз уж зашел разговор... Как звали того парня? Может, я и припомню его. Скажу хоть, под каким холмом он лежит.

Цзян Чаншэн сосредоточился, выживая имя из памяти:

— Его звали И Чи...

Дань Синьцзэ внезапно вскинул голову. Словно предчувствуя ответ, он сам выдохнул это имя:

— И Чифэн?

— Да, именно он. Откуда ты знаешь? — удивился Цзян Чаншэн.

Дань Синьцзэ вдруг замолчал. В его взгляде, устремленном на лавочника, бушевали приливные волны чувств, которые в итоге сменились мертвенным штилем.

— Он спас меня, — наконец прозвучал его низкий, надтреснутый голос. — Он погиб, а я... я остался жить.

***

Ветер снаружи усилился, становясь всё холоднее. В воздухе поплыл тяжелый запах подгоревшего мяса — Бо явно передержал свою добычу над огнем.

Дань Синьцзэ сидел, опустив голову. Его лицо казалось спокойным, но Цзян Чаншэн кожей чувствовал, как внутри юноши дрожит едва сдерживаемая боль.

— Я не из тех, кто отмечен небом, — начал Дань Синьцзэ, и он погрузился в горькие воспоминания. — Забудьте о «врожденных телах бессмертных». Я лишь заурядный практик, который потратил сотню лет, чтобы едва доползти до стадии Закладки Фундамента...

Он родился в обычной рыбацкой деревушке. В тот год к ним забрел «старый небожитель». Крестьяне, приняв его за истинное божество, едва не расшибли лбы в поклонах. Семья Дань жила в нищете, и родители, надеясь на чудо, решили отдать сына в ученики.

Быть избранным богом — высшая честь. Но чуда не случилось: старик не нашел в мальчике таланта. Лишь после долгих мольб и слез родителей «небожитель» нехотя согласился взять его с собой.

Синьцзэ думал, что схватил судьбу за хвост. Но быстро выяснилось, что его благодетель — всего лишь заштатный старейшина крошечного ордена, чья вершина была самой жалкой и заброшенной.

Дань Синьцзэ лез из кожи вон. Он верил, что сможет стать героем, как в легендах, но жизнь быстро щелкнула его по носу. Без врожденного таланта и поддержки он просто растворился в толпе других, более одаренных учеников.

А потом...

Во время одной из вылазок он повздорил с соучениками и из-за их козней упустил драгоценную траву Костного Мозга Дракона. Наказание последовало незамедлительно. Наставник, окончательно разочаровавшись в «беспольном» ученике, охладел к нему. А после случайной стычки с личным учеником главы ордена, когда той стороне потребовалось «искупление», Синьцзэ предсказуемо выставили за ворота.

Рыжий кот Эр Пан фыркнул:

— Ну и дыра.

Хаски Да Ша поддакнул:

— Тьфу, позорище.

Хомяк Сань Ва, который азартно блеснул маленькими глазками-бусинками, тут же выдал предложение:

— Слушай, а не хочешь пойти к нам в Закусочную Гор и Морей? Будешь домашним питомцем. Условия у нас — закачаешься, любой орден обзавидуется.

Дань Синьцзэ: —...

Неужели он пал так низко, что его зовут в домашние зверушки?

Сань Ва, видя его ошарашенное лицо, лишь сокрушенно покачал головой. «Эх, человеки, — думал он, — своего счастья не видят». Ведь он не врал. Из разговоров с Ли Хунгуаном и другими практиками хомяк знал: в орденах заставляют пахать за гроши и сомнительные пилюли. Даже в великом Центральном Божественном Округе условия были паршивые. Что уж говорить про мелкую секту, где Синьцзэ еще и гнобили.

А сейчас он и вовсе бродяга. Куда уж хуже?

Эр Пан прищурился. Лишний рот в Закусочной Гор и Морей ему был не нужен. И так приходится бороться за внимание хозяина с этим меховым ковриком Да Ша и наглым грызуном, а тут еще человеческий «питомец»! Конкуренция росла на глазах.

Впрочем, если этот двуногий примкнет к его фракции и будет отдавать свою порцию духовной еды котам...

— Хм, — Эр Пан картинно кашлянул. — Это будет зависеть от твоего поведения. Ну, ты понимаешь.

Да Ша вставил свои пять копеек:

— Я сейчас быстро расту, в клетке уже тесновато. Если еще один влезет — совсем не развернуться. Так что если придешь со своей будкой или сам себе лежанку на улице соорудишь, я, так и быть, не против.

Дань Синьцзэ: —...

«Уже даже в питомцы не берут без конкурса?»

Цзян Чаншэн, видя, что тема уходит в какие-то совсем уж абсурдные дебри, неловко улыбнулся юноше:

— Не слушай их, они шутят. Продолжай.

— Я пришел на Куньлуньшань, потому что слышал о скрытых здесь возможностях, — вздохнул Синьцзэ. — Говорили, что редких трав и артефактов тут не счесть. Я понимал, что риск огромен, но терять мне было уже нечего. Нищий и всеми брошенный, я надеялся вырвать у судьбы хоть один шанс.

Тогда на Куньлуньшане еще не было такого хаоса. Свирепые звери водились, но всеми ими железной рукой правил божественный Инчжао, запрещая трогать людей.

Но однажды Инчжао бесследно исчез. Твари почувствовали волю и сорвались с цепи. Синьцэ понял это слишком поздно.

Он стоял посреди залитой кровью поляны, окруженный рычащими монстрами. Сил не осталось даже на то, чтобы поднять меч.

«Пусть всё закончится здесь», — подумал он. — «Конец этой никчемной, пустой жизни».

В тот миг, когда он уже закрыл глаза, тишину разорвал звон вынимаемого из ножен клинка. Кто-то прорубался сквозь строй чудовищ, оставляя за собой горы трупов.

Синьцэ обернулся и увидел белого всадника... нет, просто практика в белоснежных одеждах. Его облик казался сотканным из света, а сам он был полон непоколебимой решимости.

Никогда в жизни Синьцэ не видел столь ослепительного, чистого росчерка меча.

Но... он всё равно погиб.

Страх перед Тулоу и Циньюанями не в их силе, а в их проклятии. Тулоу — твари, похожие на баранов, но один их таран сулит неизбежную смерть. А Циньюани — ядовитые птицы-пчелы. Стоит такой ужалить — и любое живое существо падает замертво, а трава под ним мгновенно чернеет и сохнет.

Тот практик одним ударом скосил всех Тулоу вокруг, но не заметил затаившуюся за спиной птицу.

Синьцэ беспомощно смотрел, как белоснежные одежды окрашиваются алым, и воин падает в дорожную пыль.

Он даже не знал, как его зовут.

Лишь позже, на залитом кровью жетоне ордена, он разглядел три слова.

— И Чифэн.

Случайная встреча. Жизнь в обмен на жизнь.

Запах крови всё еще стоял у него в ноздрях, когда он вспомнил последние слова своего

спасителя.

«Беги».

Это врезалось в память навсегда.

Дань Синьцзэ словно обезумел тогда — вскинул меч и бросился в чашу. Когда он пришел в себя, всё тело было в ранах, а над ним спокойно стоял Бо.

— Я до сих пор не могу этого осознать, — голос Синьцзэ дрогнул, лицо скрылось в тени. — Я не знал, кто он, откуда пришел. Почему он решил спасти меня? Я прокручиваю ту сцену в голове снова и снова, вижу каждое его движение, каждое выражение лица. Но почему... ну почему он?! Такой человек, способный на подобный удар, точно не был заурядным. Если бы он выжил, он принес бы этому миру гораздо больше пользы, чем я. А вышло наоборот...

Цзян Чаншэн долго молчал. А когда юноша закончил, тихо произнес:

— Это не так.

Синьцзэ вскинул голову.

— Нет такого понятия как «более достойная» жизнь. Существование каждого бесценно и наделено своим смыслом. Думаю, он спас тебя, потому что хотел остаться верным себе и своему мечу. И если ты продолжишь жить, неся в сердце частицу его воли, то его смерть не была напрасной.

Ветер за входом в пещеру стих.

Цзян Чаншэн посмотрел вдаль и внезапно достал из пространственного кольца Танхулу — засахаренные плоды на палочке.

— У меня с собой не так много деликатесов, но вот это я приготовил сам. Попробуй.

После того как система выдала ему новые ингредиенты, лавочник решил поэкспериментировать, и результат его очень порадовал.

Троица питомцев замерла. Они дружно и громко сглотнули слюну — такое лакомство они видели впервые.

Как только Цзян Чаншэн протянул Танхулу юноше, воздух в пещере словно взорвался. Четыре тени — три зверька и Бо — одновременно взвились в воздух. Они яростно бросились в атаку с

четырёх сторон, пытаясь перехватить палочку.

— Эй! — воскликнул лавочник.

Он ловко отдернул руку в последний момент. Четверка охотников с глухим стуком врезалась друг в друга, разлетаясь в разные стороны.

Цзян Чаншэн лишь вздохнул. К выходкам своих питомцев он привык, но чтобы и Бо пустился в это ребячество...

Пока четверо спорщиков трясли головами, пытаясь прийти в себя, Цзян Чаншэн быстро передал сладость Дань Синьцзэ.

Юноша ошарашенно посмотрел на сверкающее, словно драгоценный камень, лакомство и под завистливыми взглядами зверей осторожно откусил кусочек.

Вкус был божественным: кисло-сладкая мякоть в хрустящей ледяной глазури.

Синьцзэ не знал, что это за плоды, но мгновенно почувствовал их мощь. В то же мгновение по его меридианам разлилась густая, чистая духовная энергия, устремляясь к даньтяню. Она была сильнее любых пилюль, что он пробовал за всю свою жизнь.

Дань Синьцзэ торопливо сел в позу лотоса, чтобы усвоить эту мощь, пока на губах еще таяло дивное послевкусие.

Только сейчас он осознал, как сильно недооценил этого даоса. Кто еще может вот так запросто раздавать столь ценные сокровища? Да и его «питомцы» явно обладали силой, которую он не мог даже измерить.

Вспомнив недавнюю шутку зверей, Синьцзэ на мгновение задумался, а затем открыл глаза и, глядя на Цзян Чаншэна, нерешительно произнес:

— Послушайте...

— М-м? — отозвался тот.

— В вашей Закусочной Гор и Морей еще есть место для... кхм... «питомца»? Я согласен работать за еду.

Цзян Чаншэн: —???

Современная молодежь в мире практиков определенно стала для него загадкой.

В этот момент снаружи пронесся яростный вихрь, а следом грохнул оглушительный взрыв.

Иссиня-черный небосвод вспорола ослепительная вспышка. Мощная волна энергии заставила пещеру содрогнуться, а сквозь гул обвалов донесся леденящий душу рев неведомого зверя.

Бо мгновенно стал серьезен. Он метнулся к выходу и процедил:

— Началось. Они схлестнулись.

<http://bllate.org/book/17549/1712126>